

≈ 26 мин

Как видим, Волкогонов вовсе не «прозрел», а перешёл на точку зрения буржуазии, имеющей право на «делание» своей революции и полагающей, что пролетариат должен ей активно помогать, но никак не выдумывать нечто своё, отличное от её интересов.

Именно с данной точки зрения Волкогонов рассматривает (точнее, пересматривает) историю советского социалистического государства, оценивает действия и позиции его деятелей. Например, он пишет:

«Ленин лишён гибкости, способности почувствовать колоссальные возможности легальной парламентской деятельности»¹.

Это верно, что Ленин «был лишён гибкости» в деле превращения рабочей партии в парламентскую = буржуазную, как хотели меньшевики. Но нужно учитывать непревзойдённую ленинскую гибкость при использовании легальных («законных») методов в революционных целях.

С точки зрения буржуазного демократа, разгон Учредительного Собрания большевиками преступен и вероломен. Ленин бы только посмеялся над этим. Обыватель удивится: «Но ведь большевики обещали Учредительное Собрание! Выборы были проведены, сами в них участвовали и всё равно разогнали. Не вероломство ли это?»

Если бы Волкогонов «вдруг» не забыл разобраться в характере революций, что бы он сделал, оставаясь он и сегодня марксистом, не писал бы он о вероломстве большевиков, которого на самом деле и не было.

В условиях буржуазной революции лозунг Учредительного Собрания был столь же естественным, сколь и необходимым, а для большевиков тем более имеющий значение. Этот лозунг позволял значительно продвинуть политическую борьбу. Учредительное Собрание большевиками рассматривалось как этап на пути к революции социалистической, к диктатуре пролетариата. После Октября этот лозунг потерял актуальность, но означал откат назад, контрреволюцию.

Большевикам незачем было быть вероломными. Они достигли своей цели и без Учредительного Собрания. «Тем самым они лишили народ свободы», — кричит современный либерал. Обвинение старое, губительное, давно опровергнутое.

Большевики и не обещали свободу для всех, ибо отлично понимали, что такая «полная свобода» возможна только при отсутствии государства как института. Но коммунисты — не анархисты. Они не позволяют себе, в отличие от Волкогонова, заявлений, подобных следующему:

«Постепенно, но неуклонно терялась главная идея любой революции — свобода. Уже в самом начале она была заменена другой — идеей власти как предтечи свободы»².

Но Волкогонов тоже не отрицает необходимость власти. Подлинную, «цивилизованную» свободу для всех обеспечивает либеральная власть. Свободу, но только в рамках буржуазной системы, законов «демократического» правительства. Капитализм — это свобода для всех? Уже испытываем, г. Волкогонов.

Как «преступный» характеризует автор Брестский мир. Обратите внимание на

то, что его оценка и в первом издании «Сталина», и в третьем исправленном (1991 год) совпадает, и, как вы догадываетесь, она безусловно положительная. Нетрудно заметить, что г. Волкогонов меняет одну «общечеловеческую» истину на другую, переходя с точки зрения одной партии на сторону другой (пожалуй, нигде так выпукло не проявляется партийность в исторической науке, как в произведениях г. Волкогонова).

Если в «Сталине» противников Ленина в вопросе о Брестском мире Волкогонов называет *«людьми фразы, прямолинейно и примитивно понимавшими суть революционной чести»*, то в биографии Ленина считает эту (свою же!) оценку верной только *«с точки зрения цинизма политики»*. Но *«с позиций морали и национального достоинства»* их позиция должна заслуживать уважение³.

Брестский мир, по мнению Волкогонова, — не *«спасительный шанс»* для революции, как он полагал ещё три года назад, а *«свидетельство измены»*. Никакой прозорливости и смелости Ленин не проявил, поскольку Германия была обречена, её доконала не собственная революция, а «Антанта». «Антанта» спасла Россию от «унизительного» мира. Справедливости ради следует сказать, что г. Волкогонов не отмечает вовсе какое-либо значение германской революции, называя её *«козырем»* Ленина, *«который по воле рока окажется счастливым»*⁴.

Сюжет с Брестским миром примечателен тем, что, во-первых, потребовался Волкогонову для изобличения Ленина в непатриотизме, а, во-вторых, разъясняет, как следует правильно, в «общечеловеческом» смысле понимать патриотизм.

Понятно, что патриотизм — это любовь к Отечеству, здесь Волкогонов не оригинален. Очевидно также, что такое абстрактное понимание любви к Отечеству г. Волкогонов не распространяет на такое явление, как советский патриотизм, раз он считает, что большевизм был чужероден России. Всё становится на свои места, если мы зададимся вопросом, какое Отечество, т. е. какую «политическую, культурную и социальную среду» он предлагает любить. Ту, которая у нас была на протяжении семи десятилетий с лишним, или ту, что просуществовала несколько месяцев с февраля по октябрь 1917 года? Да-да, вы правильно полагаете: Россию, которую мы тогда потеряли. Волкогонов даже простил бы Керенскому сепаратный мир с немцами, лишивший бы большевиков этого козыря. В таком случае ведь Керенский *«мог бы не только сохранить власть, сберечь демократические завоевания, но и... избавить Россию от десятилетий мук несвободы»*⁵. Куда вот только делось патриотическое целомудрие г. Волкогонова? *«Ленин приходит к парадоксальному выводу, глубоко антипатриотическому по своей сути: войну нужно похоронить даже ценой поражения России»*, — клеветает либерал — «патриот»⁶. И вдруг, как самый отъявленный пораженец и капитулянт, огорошивает: империалистическая война никому не была нужна⁷.

Да, Ленин был врагом буржуазного «отечества», находящегося под властью «демократического» правительства. Но он был убеждён в том, что *«пролетариат не может относиться безразлично и равнодушно к политическим, социальным и культурным условиям своей борьбы, следовательно, ему не могут быть безразличны и судьбы его страны»*⁸.

«Россия идёт теперь», — писал Ленин вскоре после подписания Брестского мира,

— ... к национальному подъёму, к великой отечественной войне... Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за „защиту отечества“, но та отечественная, к которой мы идём, является войной за социалистическое отечество»⁹ .

Тильзитский мир 1807 года, унижительный для России, как и поражения царской России в Крымской и русско-японской войнах, вызывали национальный подъём, который вёл к торжеству буржуазии над феодализмом. Брестский мир пробуждал национальный подъём, направлявший развитие по пути к социализму.

Этот подъём дал основание Ленину заявить:

«Патриотизм человека, который лучше будет три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, — это настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы. Без этого патриотизма мы не добились бы защиты Советской республики, уничтожения частной собственности... Это — лучший революционный патриотизм»¹⁰ .

Спустя семь десятилетий отечественная буржуазия смогла взять социальный реванш, прекратив «холодную войну» между капитализмом и социализмом ценой развала «социалистического отечества» — СССР и развязывания на значительной его территории гражданских войн. А идеологическую «холодную» войну внутри уже самой России продолжают волкогоновы, резуны и прочие.

Будучи не в силах доказать шпионство Ленина в пользу Германии, Волкогонов довольствуется следующим «убийственным» выводом:

«Фактически Германия в империалистической войне против России имела союзниками не только Австро-Венгрию, Турцию и Болгарию, но и большевиков»¹¹ .

Обратите внимание, как выгораживает Волкогонов «патриотичное» царское правительство. Оказывается, не оно развязало и вело империалистическую войну, а большевики, чтобы превратить её в войну гражданскую. Не империалистическая война стала причиной революций и гражданской войны, «пионерами, вдохновителями, зачинателями» её Волкогонов безоговорочно объявляет большевиков¹² .

Если в книге «Сталин» (1991 год) Волкогонов утверждал, что «главным катализатором и вдохновителем этой войны была иностранная военная интервенция», то сегодня он без тени сомнения уже не считает империалистические государства «основными генераторами страшной российской междоусобицы»¹³ . При этом Волкогонов не утруждает себя доказательствами.

А мы на это вновь ответим словами писателя Г. Уэллса из книги «Россия во мгле»:

«Не коммунизм, а европейский империализм втянул эту огромную, расшатанную, обанкротившуюся империю в шестилетнюю изнурительную войну. И не коммунизм терзал эту страдающую и, быть может, погибающую Россию субсидированными извне непрерывными нападениями, вторжениями, мятежами, душил её чудовищно жестокой блокадой. Мстительный французский кредитор, тупой английский журналист несут

гораздо большую ответственность за эти смертные муки, чем любой коммунист».

Ещё совсем недавно Волкогонов не сомневался и в том, что красный террор был ответом на террор белый. Сегодня, не смущаясь и всё так же без доказательств, он утверждает:

«Красный террор вызвал и террор белый, но там инициатива, в основном, принадлежала низовой массе как реакция на большевистские бесчинства»¹⁴.

Как видим, Волкогонов не просто выгораживает белогвардейских военачальников, он откровенно даёт понять: белый террор был справедлив, тем более его инициировали массы (вот, когда Волкогонов вспомнил о массах!).

Таким образом, Волкогонов не против террора вообще, он одобряет «справедливый» террор. Он даже произносит панегирик французским якобинцам, которые «воспевали террор во имя свободы»¹⁵ и пытались «силой своего духа» (!!!) «переделать историю». Но что «нравственно» белогвардейцам и якобинцам, — в конечном счёте, они хотели того же, за что выступает г. Волкогонов, — большевикам «безнравственно».

Итак, автор не просто реабилитирует, он превозносит «белые ризы», «хрусталь „белой идеи“» и готов оправдать белый террор во имя этой идеи.

А потому не может простить большевикам цареубийство. Следует напомнить, что позиция большевиков в отношении Николая II не скрывалась, чему можно

найти подтверждение в опубликованных сочинениях Ленина. Видимо, г. Волкогонов, будучи членом КПСС, как Ленин, считал Николая *«разбойником, достойным казни»*.

Как известно, и при жизни наш последний император всеобщей любовью и признанием не пользовался. Звание «Кровавый» он получил неспроста. Вот что писал о нём знаменитый юрист А. Ф. Кони:

«Мне кажется, что искать объяснения многого, приведшего в конце концов Россию к гибели и позору, надо не в умственных способностях Николая II, а в отсутствии у него сердца, бросающегося в глаза в целом ряде его поступков».

Начало его царствования ознаменовалась «Ходынкой», когда в результате «народных гуляний» погибло около 5 тысяч человек (официально — 1389). Когда вечером на телегах развозили трупы, Николай II танцевал на балу во французском посольстве, несмотря на просьбу посла отсрочить этот бал.

9 января 1905 г. он не захотел встретиться с народом (140 тысяч человек), пришедшим подавать ему петицию о своем тяжёлом положении, накануне трусливо сбежал в Царское Село. Расстрел, учинённый его дядей, великим князем Владимиром Александровичем (петербургским генерал-губернатором), вызвал около 4600 убитых и раненых.

Поистине, нет предела лицемерию Волкогонова.

«...Ленин отказывал всем, абсолютно всем, иметь право на другую точку

зрения и считать её верной»¹⁶.

«Аристократический интеллект не допускает оскорбительного унижения своих оппонентов»¹⁷.

Но не возбраняется же Волкогонову обозвать Сталина «*форменным пиратом*», Ежова «*физическим и умственным кретином*», Ленина — «*Антихристом*». А к современным неологизмам: «совки», «красно-коричневые», «коммуно-фашисты» волкогоновский «аристократический интеллект» никакого отношения не имеет?

Право, г. Волкогонов, само по себе ещё ничего не значит. Крестьянин, тем более кулак, капиталист и называющий себя либералом интеллигент не могут и не будут думать так, как Ленин, большевики, коммунистический пролетариат, если сами, конечно, не захотят. Но их объективное положение, образ жизнедеятельности не делают и не сделают убеждёнными социалистами, тем более марксистами, без риска потерять это самое положение. Абсолютно ясно, что в любом разделённом и неоднородном обществе не существует «равноправия» точек зрения, тем более множества «равноправных» истин. Господствует, в конечном счёте, только одна точка зрения, одна «истина» господствующего класса, выдаваемая за «общечеловеческую». Кем бы вы были, г. Волкогонов, сегодня, если бы вдруг не «прозрели»?

Не только в «вероломстве, непоследовательности, двуличии» изобличает Волкогонов Ленина.

«*В политике так бывает*», — готов прощать наш биограф. «*Но какова в этом случае мораль?*» — патетически вопрошает он¹⁸.

Чтобы разогнать Учредительное Собрание, пишет этот историк, Ленин использовал «демагогический» приём — говорить от имени народа. С тех пор *«любое сомнительное деяние прикрывалось мифической „волей народа“»*¹⁹.

Но Волкогонов вынужден признать «непослушность народа» Учредительному Собранию. И даже более. Большевиков поддержало больше людей, чем Ельцина в сентябре 1993 года! Роспуск Советской власти спустя почти 75 лет после разгона учредиловки тоже оправдывался «волей народа»:

*«...над парламентом должен стоять не ленинский съезд [Съезд народных депутатов РСФСР — А. Ч.], а только Бог и Народ»*²⁰.

И уж совсем некстати осуждение большевиков за *«радение о благополучии одних ценой жалкого прозябания многих»*²¹ на фоне того, что сотворила «шоковая терапия».

Я, надеюсь, убедил читателя, что всем рассуждениям Волкогонова о свободе, демократии, патриотизме, его обличениям насилия и безнравственности — грош цена. Теперь перейдём к анализу конкретных исследовательских приёмов Волкогонова как историка.

Нужно сразу оговориться, что все факты в книге подобраны и подогнаны таким образом, чтобы они априори соответствовали установленной схеме и призваны лишь обличать большевистский «эксперимент» и его главного «творца». Сам по себе этот метод антинаучен, да, бог с ней, с наукой. Если автор считает научным представление о движении мировой истории *«от бюрократии и тоталитарности к демократии и цивилизованности»*²², пусть будет так.

Но надо же при этом быть в ладах с элементарной логикой. Чего стоит, например, фраза:

«...атеизм стал важной составной частью светской религии»²³ .

Знаете, это уже нечто оруэлловское: атеизм = религия. Или такое:

«...социалистическое строительство у нас было подменено строительством государственным»²⁴ .

Это что-то из арсенала анархизма.

Нельзя обойти и «маленькую» неточность: Волкогонова «поражает настойчивость Ленина доказать, что та философская школа, которая допускает существование религии, не является научной»²⁵ .

Дмитрий Антонович, наверно, хотел сказать: «... допускает существование бога». Ну, подумаешь, небольшая простительная небрежность. Можно оспаривать существование бога, но не религии, здесь г. Волкогонов напрасно клеветает на марксизм.

Делать априорные выводы и подбирать под них факты — излюбленный, давно проверенный приём Волкогонова. Вот что он пишет на странице 289 в томе 2:

«...кремлёвское руководство, захваченное бесовством поиска врагов, уже не верит никому. На одном из агентурных сообщений Зорге Сталин наложил резолюцию: „Прошу мне больше немецкой дезинформации не

присылать“».

Ни слова о том, какое сообщение направил Зорге, о чём оно. Мы, читатели, остаёмся в неведении, правду или ложь сообщал Зорге.

Сначала Волкогонов говорит правду. Потом её опровергает. Конечный вывод (лживый!) преподносится как истина. Вот как, допустим, он описывает дело некоего Киселёва²⁶, приговорённого революционным трибуналом к расстрелу. Тот обратился за помощью к председателю СНК. Ленин, как пишет, Волкогонов, *«ушёл от желания разобраться в существе трагедии»*. Всё верно. Ленин, который, судя из его записки, приводимой историком, фактов не знал и передал дело Дзержинскому. Обычный рядовой случай, подумает читатель. Неясно только, для чего он понадобился Волкогонову? Оказывается, вот для чего.

«Для Ленина отягчающим обстоятельством явилось то, что Киселёв „был плехановцем“».

Как же так, законно возмутимся мы, Ленин в дело не вникал, фактов не знал, просто передал его для разбирательства другим лицам, как же он мог выносить приговор? Откуда это вытекает? За что конкретно был осуждён Киселёв? Волкогонов тоже решил не вникать в существо дела. Зачем? Желаемый эффект достигнут. Ленин осуждён.

Тот же приём противоречия при описании тамбовского «народного» восстания в 1921 году. Для ликвидации крестьянского выступления Бухарин *«добивался и добился-таки, хотя лишь как намерение [!? — А. Ч.], осуществить [так в тексте — А. Ч.] „скостку“, облегчить положение крестьян»*. Ленин вроде бы согласился

и «предложил вызвать в Тамбов Антонова — Овсеенко, чтобы вместе с экономическими мерами применить и меры военные».

Итак, Волкогонов вроде не отрицает намерения большевиков отменить досрочно в губернии продразвёрстку. Но что это? *«Вообще, как посчитал Ленин и другие члены Политбюро, нужны совсем не экономические меры, а карательные ...»*, — читаем чуть дальше. — *«Восстание было утоплено в крови... Бухарин совсем не подходил для репрессивных действий, он пытался решать проблему экономически и политически»²⁷*.

Таким образом, у читателя создаётся желаемое впечатление об исключительной жестокости большевиков. При этом Волкогонов умалчивает: досрочная отмена продразвёрстки в ходе подавления восстания — не намерение, а реальный факт.

Умолчание — привычное оружие Волкогонова — разит наповал. Например, он заявляет: в ленинских декретах *«речь совсем не шла о свободе как высшей ценности, как главной цели революции»*. При этом превозносятся «Билль о правах» английской буржуазной революции 1689 года, американская Декларация независимости 1776 года, *«сформулировавшие в качестве фундаментальных целей своих социальных потрясений права человека и его свободы»²⁸*. И ни слова о «Декларации прав эксплуатируемого народа» российской социалистической революции.

Иногда Волкогонов забывает ссылаться на первоисточники. Откуда, например, взяты огромные цифры жертв в Гражданской войне, антисоветских мятежей, репрессий?²⁹

Без ссылок обходится Волкогонов при цитировании: Зиновьева³⁰, Сталина³¹ и даже приводит целые диалоги³².

Самоуверенность иногда подводит Волкогонова. Нельзя без улыбки читать следующее:

«Как я мог установить (не нашёл ни одного свидетельства!)...»³³

Особенно интересен сюжет о голоде в России 1921 года. Изначально исследование этой проблемы подчинено цели: доказать, что голод и разруха не были приоритетными в политике большевиков. *«...Ни разу, нигде, ни в одной строчке Ленина не прозвучало раздумье над тем, почему большевикам, на протяжении марта — октября 1917 года уверенно бравшим на себя обязательство немедленно дать народу всё, о чем тот мечтает, не удалось до поворота к нэпу принести ему ничего, кроме разрухи, гражданской войны, голода и террора»*, — цитирует Волкогонов Д. Штурмана и замечает:

«Видимо, не это было основным, ведь главное было сделано: власть была в руках партии! Ленин мог полагать, что этот исторический факт был его оправданием»³⁴.

Он здесь не оригинален: был ли в истории какой-либо правитель, всерьёз полагавший, что власть можно держать, организовав «разруху, голод, террор»? Если были, судьба их печальна. Напомним один исторический факт. В 1911 году в разгар столыпинской аграрной реформы жестокий голод охватил 30 млн крестьян Поволжья, а Россия и в этот год вывозила хлеб за границу. Но историк-прокурор видимо считает, что достойным было бы пострадать за такие

реформы.

Проиллюстрируем ещё «приемы» г. Волкогонова. Вот как он описывает распределение 1) конфискованных церковных богатств и 2) денег на «мировую революцию»:

1. *«...часть шла в распоряжение непосредственно Политбюро, в фонд Коминтерна, на нужды ГПУ, на „государственное строительство“, и лишь небольшая [какая именно? — А. Ч.] часть перепадала для закупки продовольствия». «...Немалая часть оставалась на местах для нужд местных властей» [какая часть? Для каких целей? — А. Ч.]³⁵.*
2. *На одном из заседаний комиссии Коминтерна в 1922 года распределили 5536400 золотых рублей. «По имеющимся данным [у кого? Откуда? Нет ссылок — А. Ч.] Совнарком на продовольствие голодающим истратил в том году в три раза меньшую сумму»³⁶.*

Как вам такой приёмчик? Автор сообщает о заседании Политбюро в ноябре 1921 года, которое единогласно отклонило ходатайство комиссии по улучшению жизни детей³⁷. Логика Волкогонова по-детски проста: отклонили — значит, жизнь детей не беспокоит, следовательно, большевики бесчеловечны. Но ни слова о том, что именно было отклонено Политбюро и почему.

Волкогонов не называет количество заседаний Политбюро, рассматривавших проблему голода. Он выбирает лишь одно (!) заседание, на котором вопрос об издании писем и дневников бывшей императрицы, видите ли, рассматривался подробнее и основательнее, чем проблема голода.

Волкогонов делает поистине эпохальные... бездоказательные выводы. *«Сотни тысяч, миллионы архивных дел ЦК КПСС, КГБ, — заявляет он с таким видом, будто он все эти миллионы документов досконально изучил, — свидетельствуют: „ленинское Политбюро“ и после смерти его основателя во имя достижения цели не гнушалось никакими, даже самыми грязными, средствами»³⁸*; *«идеологические, политические вопросы в ленинском государстве всегда имели приоритет перед вопросами экономическими, социальными»³⁹*. Однако приводимая на с. 389 второго тома сводка вопросов, рассматривавшихся на заседаниях Политбюро в 1973 года, не даёт повода для таких умозаключений.

Ещё одно заявление такого рода: лаборатории по сохранению тела Ленина власти уделяли *«неизмеримо большее внимание, чем нашей бедной медицине»⁴⁰*. Воистину мещанин мыслит исключительно гиперболами.

Не устоял Волкогонов перед искушением пофантазировать на тему: «А что, если бы...?» *«...Если бы в 1917 году большевики не свершили переворот, — пишет наш автор, — если бы „февраль“ устоял... это была бы великая демократическая держава, занимающая передовые позиции по всем направлениям. А, главное, Россия не распалась бы, как СССР, поскольку большевики и Ленин не ликвидировали бы губернское деление»⁴¹*.

Для нас представляет особенный интерес, как буржуазная наука в лице г. Волкогонова объясняет причины развала СССР и крушения социализма.

Господствующему классу срочно нужна удобная схема. «Холодная война» против коммунистов, очернение советской истории, советских вождей

укрепляют буржуазные порядки. Необходимо взвалить на коммунистов вину и за развал СССР и крах системы, за это и берётся «придворный летописец» Волкогонов.

Не опасаясь быть уличённым в антиисторизме, Волкогонов даёт понять: причина распада СССР в самом факте его создания. При этом автор лицемерно вздыхает: хоть «советская империя» и «предстала перед миром в своём греховном величии»⁴², «жаль, до бесконечности жаль, что погиб Союз»⁴³.

То же отсутствие конкретно-исторического подхода в основе следующего заявления Волкогонова:

«...октябрьская победа, фантастически неожиданная, нелепая, сказочно лёгкая, была непреходящим симптомом грядущего поражения не только Ленина, но и ленинизма».

Волкогонова даже не смущает, что рассуждая аналогичным образом, можно первого Романова обвинить в печальном конце монархии и династии. Очевидно, что при таком подходе мы получим множество «равноправных» истин при условии, что «истина» Волкогонова претендует на «общечеловеческую».

Вторую причину крушения системы Волкогонов маскирует под неопределённым словом «самораспад». Это продиктовано единственно стремлением скрыть непосредственных действующих лиц этой драмы, следовательно, оправдать их поступки, от которых уже якобы ничего не зависело.

«...Монолитная система, созданная большевиками, могла существовать

лишь в бесконечной войне: с окружающими противниками, внутренними „врагами“, потенциальными агрессорами, с разными инакомыслящими, иными, нежели коммунистическая, идеологиями. Как только выяснилось, то большинство этих угроз мифические [! — А. Ч.], система рухнула»⁴⁴ .

Волкогонова не смущает противоречие с концепцией собственной книги, согласно которой та Россия рухнула не сама по себе, а исключительно из-за большевиков.

Страшно наблюдать, что вытворяет с историей Волкогонов и прочие «борзописцы». Пора, до зарезу необходимо начинать и расширять движение в защиту науки, против буржуазных фальсификаторов истории. Договор о гражданском согласии, в котором говорится о недопустимости искажения исторических фактов, уже не спасает!

Лето 1994 г.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. «Ленин», т. 1, с. 151. ↩
2. «Ленин», т. 1, с. 135. ↩
3. «Ленин», т. 1, с. 337. ↩
4. «Ленин», т. 1, с. 337. ↩
5. «Ленин», т. 1, с. 285. ↩
6. «Ленин», т. 2, с. 425. ↩
7. «Ленин», т. 1, с. 133. ↩
8. ПСС, т. 17, с. 190. ↩
9. ПСС, т. 36, с. 82. ↩
10. ПСС, т. 42, с. 124. ↩
11. «Ленин», т. 1, с. 208. ↩
12. «Ленин», т. 1, с. 349. ↩
13. «Ленин», т. 1, с. 350. ↩
14. «Ленин», т. 1, с. 331. ↩
15. «Ленин», т. 1, с. 125. ↩
16. «Ленин» т. 2, с. 185. ↩
17. «Ленин», т. 2, с. 461. ↩
18. «Ленин», т. 2, с. 434. ↩
19. «Ленин», т. 1, с. 132-133. ↩
20. «Ленин», т. 1, с. 313. ↩
21. «Ленин», т. 2, с. 257. ↩
22. «Ленин», т. 1, с. 286. ↩
23. «Ленин», т. 2, с. 226. ↩
24. «Ленин», т. 2, с. 455. ↩
25. «Ленин», т. 2, с. 245. ↩
26. «Ленин», т. 1, с. 166-167. ↩

27. «Ленин», т. 2, с. 91. ↩
28. «Ленин», т. 1, с. 135. ↩
29. «Ленин», т. 2, с. 212. ↩
30. «Ленин», т. 2, с. 329. ↩
31. «Ленин», т. 1, с. 138. ↩
32. «Ленин», т. 2, с. 434. ↩
33. «Ленин», т. 2, с. 438. ↩
34. «Ленин», т. 1, с. 134. ↩
35. «Ленин», т. 2, с. 215–216. ↩
36. «Ленин», т. 2, с. 284. ↩
37. «Ленин», т. 1, с. 128. ↩
38. «Ленин», т. 2, с. 140. ↩
39. «Ленин», т. 2, с. 321. ↩
40. «Ленин», т. 2, с. 376. ↩
41. «Ленин», т. 2, с. 385. ↩
42. «Ленин», т. 2, с. 201. ↩
43. «Ленин», т. 2, с. 420. ↩
44. «Ленин», т. 1, с. 246. ↩